

16+

Дмитрий Зарубин

Свидетели БРТН

Дмитрий Зарубин
Свидетели БРТН

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Зарубин Д. Е.

Свидетели БРТН / Д. Е. Зарубин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В провинциальный город приезжает популярный московский шоумен Монро, который открывает вербовочный пункт в последний полк, готовый стрелять в защиту режима даже тогда, когда все остальные сдались. Берут всех с одним условием: доброволец должен убить в городе любого по своему выбору...

Глава 1

1.

Никодимов проснулся от крика, который не прозвучал, должен был, но... Что-то пошло не так, перекошилось; и ближний мир, напрягшийся в ожидании вопля, медленно расслаблялся, вздрагивая от того, что не произошло, не случилось, а только готовилось.

Человек встал с постели, мокрый от пота, и в раздражении стянул влажную майку. Сердце трепыхалось в горле от ужаса не услышанного, не пережитого, отложенного на неопределенное время. Сознание застряло между сном и явью, возможностью и потерей чего-то, могущего изменить реальность. Он подошел к приоткрытому окну, из которого несло влагой и пустотой, заглянул вниз с седьмого этажа. Порожние холодные улицы, расчерченные сине-фиолетовыми линиями сливающихся неоновых фонарей, мигающие желтым светофоры на перекрестках. Не случилось выбора, добавилось неопределенности и трепета. Никодимов плюнул в уличную расщелину, вернее, попытался это сделать, и густая ночная слизь, смешанная с кровью, стекла на подбородок, разозлив еще больше.

Мужчина отвернулся от незнакомого вида города и, ощутив стылый линолеум, встал на носочки и засеменял в ванную. Прополоскал рот, не включая электричество, попробовал посмотреть на себя в зеркало – не увидел ничего, кроме неприятного силуэта, выругался и вернулся к дивану – упал на ледяную простынь. Закутался мягким одеялом в клеточку и подумал, что от такого кошмара не уснет, будет ворочаться и страдать. И провалился в новый сон.

А ночь неспешно отступала, возбуждая сломленных людей.

2.

Прекрасное чувство – ходить в туалет самому. И думать собственной головой, а не лекарствами, которыми пичкали его организм. Мазик прикладывал невероятные усилия сохранить ясность сознания, отгоняя баранами и считалками образы, возникающие в воспаленном мозгу, думая о море, солнце, пытаясь не утонуть в переживаниях, рожденных личной жутью. Нужно было что-нибудь сделать с этим. Но идеи в ударенную судьбой голову могли прийти только ошибочные и не популярные для окружающих. И самым изумительным разочарованием сваливалась на него услышанная в каком-то популярном детективном сериале, несущемся не в первый раз по просторам телевизионной отчизны, фраза главного героя, ехидно обращенная к его очередному легкому дыханию: «Ты пытаешься вылечить галлюцинацию иллюзиями...»

В последний раз он был у матери сразу после общегородского торжества, на котором всем миром отмечали день рождения мэра. Распахнутые деревянные ворота, отсутствие вахтера, засохшие букеты цветов вдоль ущербной дорожки к главному входу, посредине лужайки дурно пахнущее отверстие от бывшего, но удачно – на деньги депутата Государственной думы – снесенного деревянного сортира. И монотонное стрекотание неизвестных насекомых, спрятавшихся в кустах пересохшей и пожелтевшей от жара травы.

Мать не узнала его, сидела в серой больничной одежде, глубокомысленно всматриваясь в беззвучный голубой экран с хорошими сыщиками и плохими джентльменами, свидетельствуя происходящему в нем, безостановочно долбясь правым кулаком в невидимую стену.

Он окликнул ее. Она не отозвалась, покачиваясь маятником в такт жестам посылающего стране беззвучные слова и многозначительные выразительные паузы. Он подумал: «Чего я должен бояться, так это своего желания поверить им. Это же естественно и так просто: взять – и поверить, и, наверное, свалится, как перина, сберегаемая забывшей времена бабушкой, облегчение. Почти счастье...»

– Мы не хотели тревожить вас, – сказал суровый специальный доктор, снимая внушительные очки с натруженной переносицы, – но долго наблюдали за вами. Вы нас не видели, возможно, потому что вы такой большой, а мы такие маленькие, но мы наблюдали.

Он вдруг обнаружил, что боль второстепенна. Голова гудела вонючим танковым движком, но его больше заботило похрустывание и покрякивание желудка и клубы сизого воздуха,

вырывавшиеся из ноздрей. И только отвращение к процессу нового проявления сквозняка на затылке заставляло его разговаривать с этим бесполезным человеком, пытавшимся его в чем-то переубедить.

– Вероятно, это можно назвать атавизмом, – солидно и достойно пробурчал белый халат, всматриваясь в толстую потрепанную бумажную пачку из сшитых нитками школьных тетрадей.

– Со временем, – очкарик поднял на него лицо, испачканное пегой редкой бородой, – я надеюсь написать об этом статью. В научный журнал.

– Международный, – почти испуганно добавил врач, опасаясь, что иной другой не послужит веским оправданием его едкой любознательности к чужим неприятностям.

Мазик точно ответил. И даже услышал свою речь со стороны:

– Я знаю: вы делаете лишь то, во что верите.

Он осознал, что страх создал внутри него две новые личности, скорее всего, все-таки две, а не три или четыре, хотя никто – и он тоже – не мог знать это в точности. Эти двое очень настойчиво пытались навязать ему свое, далекое от реальности мнение в части дальнейшего развития событий.

Он осознал, что страх создал внутри него две новые личности, скорее всего, все-таки две, а не три или четыре, хотя никто – и он тоже – не мог знать это в точности. Эти двое очень настойчиво пытались навязать ему свое, далекое от реальности мнение в части дальнейшего развития событий.

3.

В бумом предутреннем небосводе отражались огни города, закрываемые проплешинами облаков в виде светлых блюдец, вяло передвигавшихся от одного края горизонта к другому. Мигали разноцветные лампочки иллюминации на лживом лозунге, утверждавшем, что населенный пункт – герой воинской славы. Ведущему ночного шоу, скорее всего, от усталости и скукоты, вдруг взбренило почитать какой-то полуночной слушательнице радио стихи, и его заело на, видимо, единственной оставшейся в памяти строчке: «Ветер, ветер на всем белом свете...» И шоумен тупо, вновь и вновь повторял эти слова, не находя памяти продолжить или сил заткнуться.

Сержант на переднем сиденье лязгнул застежкой ремня, перекладывая автомат с затекшего колена на другое.

– Тише ты, – недовольно глянул водитель, – пристрелишь ненароком.

– Не-а, – устало потянул полицейский, – на предохранителе.

– Раз в год и кочерга стреляет, – лениво пробормотал сзади крепыш в черном плотном бронежилете и оранжевом берете, на подкладке которого была пришита уже засаленная красная бирка с фамилией, именем, отчеством, и попросил, заглядываясь на разноцветье огней местного развлекательного комплекса «Вегас» за стеклом: – Заверни на заправку, пожевать что-нибудь купим.

Кургузое серое «рено» патрульно-постовой службы замигало правым поворотником и, снижая скорость, вывернуло на АЗС.

Водитель побежал в магазинчик платить за бензин и за покупки, а патрульные вышли разомнуться, подышать свежим, уже утренним, воздухом. Смена заканчивалась, они устали и завидовали тем, кто пил, отплясывал и кадрил женщин совсем неподалеку отсюда, в знаменитом «Вегасе», им даже казалось, что они чувствуют запахи жареного мяса и дорогого спиртного.

Бабахнул фейерверк, в светлеющем небе распустились фиолетовые и розовые шарики.

– А если ракета в банку с бензином попадет? – удивился вернувшийся водитель, протягивая коллегам упакованные в пленку бутерброды с холодным, заплывшим жиром мясом. – Кто им разрешает стрелять так близко от пожароопасного объекта?

– Да... – начал отвечать омоновец, праздничные залпы резко прекратились, и полицейские услышали тонкий, иглистый женский визг.

– Накаркал, – раздраженно бросил автоматчик и нерешительно повернулся: – Поедем? Пустят?

– Не поедем – вычислят и спросят, почему не поехали, – поморщился крепыш.

– Давайте до ворот доберемся, – пожал плечами водитель, – заезжать не будем, спросим у местной охраны, если глупости какие, сразу на базу, а если нет, то по ситуации.

– Я задолбался, – зашипел от злости сержант, и они не спеша побрели к машине.

Не торопясь, заправили «рено», плавно развернулись и тихо двинулись к расфуфыренному вертепу.

Шлагбаум контрольно-пропускного пункта был опущен, перекрывая въезд на территорию ночного клуба. Водитель-полицейский посигналил, но никто не отреагировал, и он свернул на обочину и остановился. Сержант и омоновец вышли из машины, перекинули заученно автоматы на грудь и вяло зашагали к автостоянке, возле которой собралась группа людей в яркой праздничной одежде, разбавленная серыми пятнами униформы охранников.

У черного «мерседеса» с распахнутыми дверцами, припаркованного на самом крае стоянки, покачивались нетрезвые отдыхающие. Юная женщина в тонком вечернем платье с глубоким декольте, согнувшись и прижав ладони к щекам, пронзительно, непрерывно визжала. За капотом дорогого автомобиля, не отсекаемый никаким заграждением, сразу начинался густой смешанный лес, в эти утренние часы заплывший низким, сальным, сероватым туманом, слегка вздрагивавшим от звуковой вибрации человеческого голоса.

Патрульные не вдруг, а лишь подойдя вплотную, рассмотрели лежавшее на влажном асфальте у водительского места тело.

Молодой мужчина с короткой взлохмаченной стрижкой коричневых волос покоился на границе света от белесых неоновых ламп уличных фонарей и утренней сгущенной темноты, начинавшейся за парковкой. Его голубые глаза были широко и удивленно распахнуты, зрачки бешено стучали вверх-вниз в огромных белых с ярко-красными прожилками яблоках, немой и неподвижный раззявленный рот проблескивал зубами.

Тело было видно только до половины, ноги исчезали в застоянной темноте, поэтому казалось, что туловище, как в американских ужастиках, перерезано пополам, только внутренности не вываливались и не текла ручьями густая кровь.

Руки лежащего, неестественно выгнутые и неподвижные, жутко контрастировали с непрекращающимися взмахами ладоней склонившейся над ним пьяной и красивой девицы.

– Что случилось? – грубо спросил сержант, нарочито громко бухая берцами по асфальту.

Никто не ответил, и тогда он резко дернул за загорелое, покрытое мурашками предплечье мельтешащей конечностями блондинки:

– Гражданка! Прекратите орать, вы мешаете работать! Я при исполнении!

Девушка отшатнулась от полицейского, выпрямилась, замолчала, только маленький набухший кадычок дергался под тонкой кожей посиневшего горла.

– Наркота? – апатично, не обращаясь конкретно ни к кому, поинтересовался крепыш в берете.

Собравшаяся толпа медленно и незаметно начала распадаться. Сержант с кривой улыбочкой с удовольствием смотрел, как по одному, сторбившись, чтобы казаться незаметным, и мужчины и женщины в вечерних нарядах, строгих костюмах растворялись под разившими сверху искусственными лучами назад в «Вегас», в дорогие лимузины, бесшумно заводившиеся и без выхлопа исчезающие в направлении города.

Попытались улизнуть и двое здоровенных лбов в серой униформе, с надписью на спине «Охрана», но их притормозил омоновец.

– Куда? – с презрением спросил он и для острастки пошевелил коротеньким автоматом.

Парни с нутряным охом остановились. Блондинка начала заваливаться спиной на «мерседес» и сползать на землю, стучаясь по гладким выпуклостям миленькой головкой, путая длинные распущенные волосы. Замерла, усевшись у заднего колеса, привалившись хрупкими голыми плечами к блестяще белому колесному диску.

– Фу ты! – недовольно буркнул сержант и жестко прикрикнул парням:

– Один в кабак, за аптечкой – живо!

И дождавшись, пока ботинки сорок пятого размера загрохотали по влажной парковке, кивнул второму:

– Докладывай.

– Да нечего, – дернул тот бугристыми предплечьями, – услышали визг, прибежали, вон, – он ткнул пальцем, – мужик лежит, баба орет.

Полицейский в берете присел рядом с девушкой, легонько пошлепал по щекам, пачкая автоматной смазкой и жиром с бутерброда, блондинка чаще задышала, раскрыла длинные густые ресницы.

– Ну, вот, – удовлетворенно сказал омоновец, – одна очнулась, счас второго поглядим.

Он встал, подошел к лежащему, слегка пнул в бок ботинком.

– Вы не имеете права, – слабо прошелестела девушка, – вас накажут, это сын Иванова.

У крепыша напряглась спина, он отдернул ногу, готовую вторично, более чувствительно ударить по телу. Молодой мужчина закрыл глаза, туловище расслабилось, руки, подергиваясь, шелестя рукавами поблескивающего костюма за несколько тысяч долларов, вернулись в естественное, не вывернутое состояние.

– Пошупай пульс, – приказал сержант, внимательно наблюдавший за происходящим.

Омоновец нехотя наклонился и прижал три пальца к шее лежащего, подержал с минуту, выпрямился, повернулся, потер подбородок, громыхнув застежкой ремня:

– Похоже, надо бригаду вызывать, парень-то откинулся.

– Вот и хорошо, – невпопад ответил сержант, быстренько поднес поближе микрофон рации, болтавшийся у плеча, и торопливо забубнил:

– Первый, первый, я одиннадцатый, у меня труп на территории «Вегаса», нужна следственная бригада.

От сияющего развлекательного комплекса, похожего на игрушечный средневековый замок какого-нибудь дракулы, продолжавшего греметь ламбадой, мигать разноцветными стробоскопами, бежал охранник, держа на далеко вытянутых мускулистых руках маленькую беленькую коробочку с красным крестиком сбоку.

Крепкий порыв ветра снес с верхушек деревьев пожелтелую и красноватую полувысохшую листву и густо засыпал стоящих внизу людей, промелькнул промеж колес «мерседеса», взвинтив пахучее крошево древесных остатков, закружился под ногами, заставил вздрогнуть от озноба девушку, которая торопливо поднялась с похолодевшего враз дорожного покрытия, и широким фронтом вернулся обратно в лес. Верхушки деревьев закачались, зашуршали. Сержанту показалось, что между стволов мелькнула бесформенная фигура, но, поскольку двигаться было лень, он сразу же решил, что ему показалось, и никогда больше не вспоминал об этой тени.

Послышался надсадный вой сирены, на дороге замаячила проблесковыми сигналами «газель». А ветер вернулся назад, плотно прижался к земной поверхности и постепенно стал заполнять все пространство, вскрывая психической атакой городские кварталы, заставляя пугаться младенцев и бездомных собак, срывая афиши и объявления, грохоча полусмятыми пластиковыми стаканами, перекатывая пустые стеклянные бутылки, ожесточенно толкаясь в закрытые и с удовольствием бренча распахнутыми подъездными дверями многоэтажных домов.

4.

Мазик поднялся с топчана, – обустроенного в углу раздевалки, прикрытого небольшой китайской ширмой с яркими разноцветными павлинами и розами на шелковом засаленном полотне, – услышав приглушенное вздрагивание массивных входных врат в храм Мельпомены, как вычурно выражался главный режиссер театра. Хотя по поводу храма он был отчасти и прав: театр для детей и молодежи размещался в бывшем духовном училище, до революции 1917 года готовившего будущих священников и имевшего в том месте, где сейчас главная сцена, небольшую домовую церковь со всеми приличествующими этому учреждению сакральными атрибутами.

Как человек, всегда стремящийся показать начальству, что он постоянно боеготовый и полностью работоспособный, Мазик спал одетым в рабочую униформу театрального сторожа, состоящую из мятых синих дешевых джинсов, оранжевой футболки с профилем непонятной из-за затертости, куклы с длинным тонким носом, и темной спецовки с флюоресцирующими полосами на плечах, вероятно, спертой из ремонтного цеха какого-то местного крупного предприятия.

Посмотрев на ржавый будильник с аляповатым гербом СССР, студент четвертого курса Ярославского театрального института убедился, что не проспал появления первого трудящегося – гардеробщицы и по совместительству уборщицы тети Маши, облегченно вздохнул и повозил рукой под спальным ложем, нащупывая большой китайский фонарик. Казенный экземпляр с фиолетовым инвентаризационным номером нашелся быстро, там же, где и стоптанные, без задников, домашние тапочки, наверняка принесенные кем-то из постоянных театральных деятелей специально сторожу.

Мазик вышел из гардеробной, но к входным дверям не пошел, ему больше нравился зрительный зал, а там, конечно, сцена. Туда он и повернул.

Луч света подпрыгивал среди потасканных бархатных кресел, отсвечивая лоснящимися потертостями, поднимая с зашарканных паркетин колечками пыль. Пахло застарелыми мужскими носками, и все время хотелось оглянуться, но студент понимал, что это возможно только в одном случае, когда он взойдет на подмостки, и сдерживал жалкое вожделение.

Поднявшись с левой стороны, он сразу же направился за старенькие лохматые кулисы, схватил деревянный стул с перевязанными проволокой ножками, стоявший возле лебедки, и потащил к центру.

Поставив и пошатав из стороны в сторону, дабы убедиться в прочности положения, остороженько взгромоздился на коричневую дерматиновую седушку ногами, аккуратненько выпрямился во весь свой ставосьмидесятисантиметровый рост и пошарил замысловатыми световыми восьмерками по зрительному залу.

Публики не было. Тогда Мазик направил луч себе в лицо и заорал что есть мочи, свободную ладонь приставив большим пальцем к носу, а остальными издевательски трепыхая. Он был счастлив – главный режиссер, измученный многолетними мольбами студента о самостоятельной работе, разрешил Мазика со товарищи поставить для детей школьного возраста пьесу по мотивам сказки «Золотой ключик».

Истекло десять минут абсолютного блаженства.

Где-то в глубине здания послышался пулеметный треск будильника, известившего о наступлении семи часов утра, бубухнула входная дверь, и сторож, опасливо поглядывая вниз, спустился с шатких небес на затертые доски сцены. Щелкнул выключатель, под высоким потолком неярко зажглись многочисленные запыленные лампочки давнишней хрустальной люстры, и в зал вошла уборщица, уже переодетая в синий, с пятнами белой краски халат.

Тетя Маша болезненно улыбалась и на ходу натягивала на руки длинные желтые резиновые перчатки с пятнами неизвестного происхождения.

– А-а, Мазик, – полуутвердительно, полувопросительно произнесла женщина, – репетируешь.

– Доброе утро, – неуверенно ответил студент, пояснил: – Семен Иванович разрешил поставить сказку – вот думаю над главными героями.

– Это хорошо, – покивала головой уборщица, продвигаясь к сцене, поднимаясь на подмостки и заворачивая за кулисы. – Делом займешься, а то держат тебя в черном теле, не дают развернуться.

Мазик обрадованно улыбнулся в спину женщины и, слегка важничая, погромче сказал:

– Классику буду ставить, «Золотой ключик», пьесу для детей.

– А кого ж конкретно, – вроде как заинтересовалась и даже обернулась уборщица, – итальянца или же Алексея Толстого?

– Хым, – крикнул несколько смущенный Мазик, – а разве итальянцы тоже что-то писали о золотом ключике?

– А как же? – тетя Маша наконец-то вытащила большое красное пластмассовое ведро из большой кучи старых канатов, тряпок, каких-то железок и, разогнувшись, прямо посмотрела на сторожа. – Наш написал «Золотой ключик», а импортный – «Приключения Пинокио», но итальянец был первым, а советский – адаптированный.

– Подо что адаптированный? – растерянно и глуповато спросил сторож.

Уборщица замедлила движение к выходу, уже насмешливо поинтересовалась:

– А ты, вообще, читал сказку-то?

– Я кино в детстве смотрел несколько раз, – грустно сообщил Мазик.

– Оно-то и заметно, – слегка ехидничая, бросила тетя Маша. – Ты бы в библиотеку сходил, книжку и того, и другого взял, почитал и выбрал бы, что тебе больше всего подходит.

– Нет, – студент пошел следом, оставив стул посередине сцены, – не могу читать, голова болит, кричать начинаю, а потом сознание теряю.

Они замолчали. Уборщица распахнула дверь, сторож выключил электричество. Тетя Маша вздохнула, на повороте в санузел приостановилась, еще тяжелее вздохнула:

– Прости меня...

Мазик сразу перебил:

– Да что вы, не за что, вы ж не виноваты.

Уборщица все-таки закончила:

– Я же не знала, вернее, знаю, но чтоб до такой степени... В общем, тогда возьми диск с фильмом, а еще лучше в Интернете поройся, там тоже есть, причем, наверное, и бесплатные можно найти, посмотри кино еще раз и сделай спектакль по фильму.

– Да, – обрадовался студент, – это хорошая идея.

– Но извини, – уборщица было отвернулась и зашагнула за поворот, но быстренько возвратилась. – Фильмов даже больше, чем книг, целых три: один снят через несколько лет после выхода сказки, второй во времена кукурузника, третий почти новый, так что и из них тоже придется выбирать.

– Я возьму тот, который смотрел, – широко заулыбался сторож. – И спасибо вам за идею.

Тетя Маша поджала губы и, громыхнув ведром об стену, двинулась к санузлу. А Мазик заторопился в раздевалку, чтобы переодеть сторожевую униформу в повседневный наряд студента: джинсы почище и поновее, куртку кожаную, кроссовки – сегодня занятия были на природе, в парке «Комсомольский».

Командированная на неделю преподавательница из Ярославля давала мастер-класс подражания животным, в частности, имевшихся в наличии только в этом высаженном на многочисленных субботниках древесном сборище ручных белок, самостоятельных бесчисленных ворон, покрывших огромными гнездами большинство парковых деревьев, и беспризорных собак, от своей бесхозяйственности имевших цвета шерсти от нежно-голубого до раскалено-ржавого.

Студент подумал, быстренько переодеваясь, что еще надо заскочить по пути в шоколадницу, перекусить и захватить с собой видеокамеру, чтобы запечатлеть урок, ведь наверняка будет нечто подобное в качестве домашнего задания.

Мазик торопливо прошел к выходу, на ходу застегивая куртку, столкнулся с входившей директрисой, неловко поздоровался и с натугой потянул на себя массивные и толстые деревянные створки.

На улице было сумрачно, только в правом углу горизонта виднелся опрокинутый оранжево-красный полумесяц медленно поднимающейся звезды. Нарастающий шум автомобилей заполнял пространство и подстегивал общественное время. В путанице многоэтажных домов ветер вяло пошатывал обломанными качелями, с силой вырываясь на широкий путепровод между центральной частью города и юго-западными микрорайонами, затрудняя движение через мост редких прохожих, решивших сэкономить на проезде, и всюю сопротивляясь торопящимся маршруткам.

5.

Городское управление внутренних дел располагалось неподалеку от кафедрального собора, ограды этих двух уважаемых в бизнес-среде учреждений соприкасались, создавая некое сакральное силовое поле, аттрактором которого служил гигантский бюст Феликса Эдмундовича, к которому полицейские на ежегодный профессиональный праздник сносили охапки венки искусственных цветов и скромные букеты живых алых гвоздик. Если посмотреть из окон УВД верхних этажей, то накупольный золоченый православный крест высился прямо над коричнево-гранитной фуражечкой заслуженного чекиста, по блатному сбитой на бочок, являя некое наверхие митры специального назначения.

– Товарищи офицеры, – сказал сидевший с края начальник отдела по борьбе с экономическими преступлениями; и главы отделов, их заместители, высокопоставленные следователи встали, приветствуя вошедшего в небольшой актовый зал начальника городского управления внутренних дел полковника Петрова.

– Садитесь, – махнул тот рукой, уминаясь в кожаное кресло на колесиках, стоявшее по центру длинного стола, выставленного перпендикулярно залу.

С вздохами, громким шуршанием руководители подразделений воцарились на давно определенные еще предшественниками места в первых рядах.

«Как же, товарищи, – злобно подумал следователь по особо важным делам Волобуев-Блинов, почти падая в продавленное сиденье и немедленно прячась за спину впереди сидящего полковника, – и товарищи закончились, и господами не стали – так только, имитация сплошная...»

– У меня для вас одна хорошая и две плохие новости, – негромко сообщил Петров. – С какой начнем?

– Давайте с хорошей, – дружно откликнулись в зале, – а то после плохих и хорошая пойдет не так, как правильно.

– Замечательно, согласен. – Начальник управления встал и, приосанившись, доложил: – Приказом начальника областного управления внутренних дел наш коллега, полковник юстиции Волобуев-Блинов за успехи в борьбе с преступностью, перевыполнение плана по раскрываемости на двадцать процентов награжден золотыми командирскими часами с именной гравировкой!

Начальствующий состав дружно захлопал, разбудив награждаемого следователя по особо важным, успевшего придремать за широкой жирной спиной переднего полковника. С трудом сдержав зевотку, Волобуев встал и нетвердо, просыпаясь окончательно в движении, зашагал к столу.

Петров, улыбаясь во весь верхний и нижний ряд золотых и платиновых зубов, левой рукой протянул коробочку с часами, а правой потянулся пожимать карательно-трудовую десницу подчиненного.

Блинов вяло откликнулся на ручной зов начальника и, сознательно вспотев, дабы и ладонь припустила влагу, потрусил пальцы главного руководителя. Тот не сдержал легкую гримасу брезгливости, почувствовав влажную ладошку подчиненного, но справился, вернул физиономии торжественное выражение и высказался:

– А от имени администрации местного самоуправления вам, Петр Сергеевич, за отличную работу на ниве искоренения криминала почетная грамота.

Настала очередь морщиться Волобуеву – начальник перепутал, возможно, в отместку за промоклость длани, его имя и отчество. Он торопливо схватил жесткую грамоту, запакрованную в тяжеленную дорогую рамочку – и да, в ее тексте с именем-отчеством награждаемого тоже была путаница, ну а Петров не мог перечить высказываниям вышестоящих предводителей.

Сидящие реденькими хлопками проводили шаркающего ко второму ряду Волобуева-Блинова. Начальник управления плюхнулся, слегка не рассчитав, в кресло – оно стронулось, Петров торопливо и боязливо схватился за поручни, разозлился за проявленный испуг и заорал на подчиненных:

– А теперь плохие вести. У нас труп! И не просто мертвец, а сын главы администрации! Понимаете, что это значит? – задал риторический вопрос, поскольку никто и не собирался ему отвечать. – Это тело, – продолжал заходиться от ненависти к создавшейся ситуации Петров, – минусует нам льготные ГСМ, муниципальные доплаты за охрану правопорядка в особо престижных местах, да и просто грамоты и благодарности главы, – начальник возопил, сделав концовку выступления ударной. – Вот эта волобуевско-блиновская – последняя, – уткнул пальцем, продолжая на выдохе неистовствовать, главный полковник управления, – да и то, считай, авансом выданная. – Он замолчал от нехватки выброшенного из организма кислорода.

В оглохшем зале, противно пища, пролетел неведомо как сохранившийся с жаркого влажного лета комарик.

Минуло семь минут, – следователь из любознательности и привычке к протоколу засек время на новеньких часах, чтобы уж, заодно, проверить качество подаренной вещицы.

Петров вытер широким клетчатым помятым платком, вытащенным из штанов с красными лампасами, лицо и шею за тугим воротничком нарядного, из генеральской ткани, мундира, прокашлялся:

– Петр Сергеевич назначается руководителем оперативно-следственной группы по Иванову. План мероприятий завтра мне на стол, ежевечерне – доклад о проделанной работе.

Забывшись, начальник УВД наклонил голову, явив присутствующим гладенькую загорелую лысинку на макушке, которую тщательно скрывал от публичности. Кто-то из отдельных нежно и вкрадчиво кашлянул.

Петров вздохнул, исподлобья глянул в зал:

– И второе. На улице Ленина, рядом с офисом Сбербанка, на одном из сдаваемых в аренду домов появилась большая вывеска – «Общественная приемная Иосифа Виссарионовича». Попов, – повторно разгоняясь в высоте звукоряда, рявкнул главный полковник, – почему я об этом узнаю в администрации?

– Так я экономическими преступлениями занимаюсь, – пожал мощными рыхлыми плечами поднявшийся полковник, облокотив пивной животик на верхушку впереди стоящего кресла.

– А это разве не экономическое преступление? – делано удивился Петров.

– Так кто ж знает? – вновь пожал плечами Попов. – Может, это какая-то политическая акция, например, от федералов, – на всякий случай попробовал он припугнуть начальство.

– Да-а, – задумчиво протянул главный полковник, – в администрации на этот счет тоже брожение, хотят журналистов туда послать для выяснения обстоятельств.

– Конечно, – обрадовался Попов, – это безопаснее всего, напишут что-нибудь – тогда и посмотрим, какие меры принимать, а в случае чего на журналюг свалим, мол, мы тут ни при чем, а реагируем на обращения трудящихся, ведь они же наверняка появятся на страницах газеты, не попрутся же писаки просто так, придумают письмечко какое-нибудь от граждан.

«Чтоб вам эту бумажку в причинное отверстие», – раздраженно подумал Блинов, лихорадочно прикидывая: сразу написать рапорт об отставке, благо выслуга лет имеется, или же придержать, как козырного туза, а определиться по мере развития событий. Интересно же ковырнуть, за что юношу угробили – вдруг да и обломится что-нибудь эдакое, большущее и зеленое на покой грядущий?

– А ты знаешь, – насмешливо зашипел Петров, спугнув присевшего перед ним комарика, – что устроители общественной приемной давным-давно покойного руководителя нашей страны собирают деньги?

– Какие? – искренне поразился Попов. – Он же как лет семьдесят назад помер.

– Банка стоит на входе, на столе перед охранником, – сухо ответил главный полковник, – трехлитровая, с надписью: «Добровольные пожертвования». Кто не опускает двести рублей, того не пропускают.

Комарик без звука приземлился на запасной аэродром – коричневый гладкий кружочек главной головы управления внутренних дел, растопырил пошире ножки, взмахнул толстым мохнатым длинным хоботком...

– И много желающих? – упавшим голосом полюбопытствовал начальник ОБЭП.

Жало вонзилось в тонзуру первейшего блюстителя порядка. Петров рефлексивно грохнул ладонью по макушке и заорал, гримасничая:

– Сволочь! Это я тебя должен спрашивать, сколько чудиков поперлось к Иосифу Виссарионовичу за помощью и поддержкой, а не ты мне идиотские вопросы задавать!

Сидящие в зале проснулись. Главный полковник наклонился, явив городу и миру лысину с размазанной по ней кровавой кашей бывшего единственного сохранившегося, но теперь убитого насекомого. Зрелище было явно «восемнадцать плюс», поэтому полковники и важняки вздрогнули, самые сообразительные торопливо достали смартфоны и сфоткали окровавленную макушку начальника, напряглись, дабы правильно прочувствовать момент и перенести это чувство на собственных подчиненных.

«Блин, – подумал тягостно Волобуев, – где ж столько комариков найти, осень-то уже глубокая, чтобы эмоции пореалистичнее передать... а впрочем, попрошу у коллег снимок, распечатаю на цветном принтере покрупнее и на стенку повешу, чтоб боялись».

– В общем, Попов, – разогнулся Петров, зрачки его глаз расплылись во всю радужку, – с тебя по этой ситуации фамилии, имена, явки, что обещают, какие суммы набрали. В случае необходимости привлекай налоговиков, типа неуплата каких-нибудь экскурсионных или экологических сборов.

– Слушаюсь, Виктор Николаевич, – интимно прикрывая веки, проникновенно пролепетал полковник, занимающийся экономическими преступлениями. – И немедленно доложу в течение недели.

– Да уж, – остывая, буркнул Петров, – побеспокойся, пожалуйста.

В большое окно звучно царапнулись большие ветки, заказанного коммунальщикам на спил пятидесятилетнего вяза, помнившего ритмы и групповые драки трех ударных комсомольских строек города. Присутствующие повернулись на стук: дерево порывисто раскачивалось, теряя утонченную листву, отмершие веточки, сухие узловатые сучья.

6.

Рабочий день города и горожан продолжался. Завоняло органическими отходами, накрывшими населенный пункт с юга, понесло окалиной перегоревшего металла от металлургического комбината с востока, бодренько выбросил порцию амбре прокисших дрожжей с севера соответствующий заводик, понесло пороховым перегаром с карьеров двух горно-обогатительных предприятий с запада.

Ветер, шипя и посвистывая, принялся взбалтывать этот гремучий коктейль, сгоняя к окрестностям плотные тучи, невежливо подталкивая так и не выпрямившееся в полный рост солнце к закату.

Прошло восемь часов. Мрачнело.

7.

К театру для детей и молодежи подкатывали шикарные европейские, североамериканские и азиатские автомобили, из которых, шурша волочащимися по пыльному асфальту разноцветными вечерними платьями, мерца длинными инкрустированными перчатками и поблескивая всевозможных размеров драгоценностями, величаво возникали женщины. Они слегка в сторонке, терпеливо и благосклонно, дожидались солидных мужчин, оприходовавших мелкие детали по окончательной стоянке железных коней, чтобы рука об руку двинуться к воротам Мельпомены. Возле них государственных мужей и достойных спонсоров, – содрогаясь от пронизывающего все швы ненового, кукольного костюмчика тоненького, уже почти зимнего ветерочка, – встречал сам режиссер и волнующаяся от постоянных приливов директриса театра.

Мощные фары заморских технологических диковин и бледная полная луна, – сменившая в декорациях тусклого неба уставшую звезду, но все равно то испуганно ныряющая за облако, то кокетливо выглядывающая из-за него, – вместо побитых ночными хулиганами фонарей дискретно освещали провинциальную ярмарку тщеславия, выхватывая из сумрака заветные буквы на автомобильных номерах: ААА, магическое число 666, железные аусвайсы с большим российским триколором вместо номера региона в правом углу.

Комплекс зданий администрации и постоянно реконструируемый театр разделяла только замощенная черно-белыми брусками площадь, обозначенная ласковым населением полем дураков, поэтому глава являлся на избранные представления пешком, но в сопровождении смешанной половой свиты подчиненных, отчетливо демонстрируя солидным и достойным, а также прочей разночинной публике, кто в доме хозяин.

В этот день, несмотря на семейную трагедию, Иванов-старший двигался, как привык, в театр, дабы положить начало новому театральному сезону. Жена умоляла его остаться с ней, дома, наигранно билась в истерику и пила стаканами виски, но административный шеф был неумолим, поскольку государственные интересы ставил превыше всех остальных. Минимальное, что он позволил себе, – черный батистовый дорожный платок, из единственного в городе бутика Славы Зайцева, небрежно, со вкусом вставленный в нагрудный карман черного пиджака. Увидев осунувшегося и похорошевшего, как немедленно постановила дамская половина служивых, от горя главу, работники аппарата срочно переоделись в черные одежды, заныканные по укромным местам кабинетов. Мужчины выставили углами черные, в различной ценовой шкале, платочки, а женщины повязали на головы черные, от бархатных до атласных, кружевные ленточки.

Поклонившись до уровня груди главенствующего, главный режиссер пожал его скупой выдвинутую к животу руку и радостно побежал впереди, открывая двери и словоохотливо щебеча о достижениях и некоторых недостатках вверенного ему муниципального унитарного предприятия зрелищного искусства. Директриса старалась не отставать и не затеряться, что было достаточно трудно, поскольку приходилось пробиваться в толпе приближенных, а также своевременно принимать на плечо специально не удерживаемые предыдущим входящим створки. Она была несколько удивлена угрюмым внешним видом административной делегации, поэтому на ходу быстренько перекинулась репликами с начальницей местной культуры,

прониклась моментом и, отстав на пару минут, завернув в кабинетик, живенько передела пиджачок со светло-кремового на темно-синий, злорадно подумав, что режиссер-то весь в белом, праздничном. Обязательно кто-нибудь да спросит: почему, мол, в такую трудную для отечества минуту вы, гражданин, не скорбите? И отговорки, что, типа, не знал ни сном ни духом, послужат лишь отягчающими обстоятельствами.

Завидев Иванова, зрительный зал встал. Глава важно и достойно прошествовал к сцене, на которой уже толпился минут эдак десять весь творческий коллектив, включая свободных от дежурств осветителей и прочих технический персонал.

Пропели горны, вступила барабанная дробь, сверху приспустился билборд об открытии очередного многообещающего и прочая, прочая... И Иванов приступил к награждению отличившихся в прошлом году сотрудников МУПЗИ. Ведущие артисты получили почетные грамоты всех ветвей власти, включая судебную, и скромные денежные подношения от спонсоров в конвертах. А техническим работникам вручили благодарности и сладкие подарки в виде набора конфет местной кондитерской фабрики, не знающей от затоваренности, куда их еще девать. Был отмечен и Мазик, но поскольку его состояние в коллективе было промежуточным, то получил он грамоту и только сладкий набор. А тетю Машу осчастливили признательностью, вероятно, бракованной еще в типографии, поскольку в заглавном слове имелась опечатка – «Благодарнасть».

После бурных и продолжительных аплодисментов, сопровождавших торжественное действие, и неоднократных истошных воплей «браво!», «бис!», вольнолюбиво испускаемых истинными любителями прекрасного, Иванов низошел в зал и уселся на первом ряду по центру. По бокам осторожненько пристроились особы, приближенные к главе.

Волобуев-Блинов, развалившийся в кресле, выделенном по квоте правоохранителям, внимательно следил за Иваном Ивановичем. Не то чтобы он хотел увидеть нечто, могущее кардинально помочь ему в расследовании, нет, ему были любопытны косвенные реакции пострадавшего, изменения в поведении и настроении, детали переменившегося внешнего образа и нюансы процедурных поступков. По возможности он всегда вначале наблюдал за пострадавшим со стороны, не обнаруживая своей сущности, чтобы составить по возможности объективное представление о характере и привычках одного из главных фигурантов уголовного дела. Знающий – вооружен, есть поле для следственной игры, выявляются зацепки к розыскной интриге, к тому же обыкновенно основной страдатель почти всегда и первостепенный, или ментально, или реально, сопричастник чрезвычайного происшествия.

Наметанным глазом полковник определил, что к Иванову уже приставили охрану: двое крепких мужчин с бритыми затылками свирепых псов, явно бойцов спецназа, бесцеремонно подняв уже устроившихся, закрепились в креслах у прохода в первом и втором ряду.

– Наблюдаете? – влажно прошелестело над ухом.

Волобуев внутренне вздрогнул, но внешне не подал вида, медленно оборотился: так и есть, крыска Оля из Федеральной службы безопасности.

– Скорее сосредотачиваюсь, – мягко поправил Блинов и полюбопытствовал: – А вы какими судьбами? Неужто на спектакль?

– А давайте поработаем в паре, – мило улыбнувшись кончиками узких губ, над которыми торчали по два коротеньких жестких волоска с обеих сторон, незаметных издали, поскольку были бесцветными, но очень примечательными, когда эфэсбэшница пересекала лицом границы личного пространства собеседника, предложила давнишняя знакомая. – Холмс и Ватсон, Мегрэ и как его там, Ромео и Джульетта, – насмешливо продолжила, наконец-то убравшись несколько назад, Оля, – так будет продуктивнее, быстрее, да и излишняя конкуренция нам ни к чему.

– А вы тоже расследуете убийство? – осторожно спросил Блинов.

– Не тупите, – вальяжно прошипела крыска. – Кто ж в этом сомневался? Сын государственного чиновника, пусть и не очень значимого, но тем не менее родина не любит, чтобы без ее разрешения трогали ее людей.

Свет погас. Занавес поднялся. Сцена осветилась с нескольких сторон узкими прожекторами. В зале смолкли.

– Пойдемте в буфет, – игриво касаясь язычком уха, прошептала крыска, – обсудим совместные действия.

За пыльными, проявившимися при направленном резком свете кулисами протяжно закричали, почти завывли. Волобуев-Блинов, начинавший подниматься, от неожиданности упал на сиденье, Оля обернулась, зрители звучно охнули, зашушукались. Крик продолжался по экспоненте. Цепные псы вскочили, правыми руками нырнув во внутренние карманы пиджаков. Актеры на сцене сбились с ролей, растерянно остановились и стали беспомощно озираться, ожидая какой-то команды. Крик в зените сорвался в визг. Упал занавес. На сцену выскочил бледный, как Пьеро, режиссер и срывающимся голосом сказал, что одному из работников театра стало очень плохо, сейчас у него медсестра, и вызвали «Скорую помощь».

Иванов встал, быстренько поднялась и разнополая свита.

– Включите освещение, – грубо и громко потребовал он.

Режиссер замахал кому-то невидимому, пританцовывая от нетерпения. Вспыхнули все люстры.

Иванов достал платочек и, очень не сдерживаясь, промокнул мокрое лицо, фыркая и отплевываясь при этом как животное, внезапно попавшее в глубокую колдобину и подвернувшее копыто, скомкал батист в огромном волосатом кулаке и швырнул под кресло. Полуповернулся к сцене, гавкнул, как привык на планерках:

– Сволочь! Мы тебе деньги бюджетные даем, а ты демонстрации противоправительственные устраиваешь! Разгону!

Рывком возвратился в прежнее положение и почти строевым шагом, припечатывая старенькую ковравую дорожку полной подошвой изысканного немецкого ботинка, двинулся к выходу. Спецназ, растолкав плечами чиновную публику, пристроился за спиной, автоматически шагнув в ногу – левой, левой...

Театралы поднимались, озабоченно поглядывая, что делают соседи, и подстраивались под коллективно-бессознательный общий лад, который был направлен к дверям. Режиссер полулежал на подмостках, держась за левую сторону груди, возле него суетилась директриса и актеры. Визг медленно, с достоинством, утих.

– Круто! – заценила эфэсбэшница.

– Давненько в нашей провинции не было эдакого, – она пощелкала пальчиками с длинными наманикюрными ногтями, издавая неприятный коротко-костяной звук, – скандалозо.

– Я согласен, – сказал продолжающий сидеть Волобуев. – Давайте попробуем.

Ольга внимательно и остренько посмотрела на него.

– Я отработаю фактические данные с места преступления, – продолжил, морщась, Блинов, – и результаты судмедэкспертизы.

– А что я? – оскалилась в улыбке женщина.

– Мне нужен ваш анализ, – Волобуев-Блинов уставился в далекий лепной потолок, – городских провластных группировок – кому выгодно убийство его сына.

– В письменном виде?

– Да как хотите, как считаете более безопасным для себя. – Он нагло ухмыльнулся Ольге в миловидное лицо.

Они остались в зале вдвоем. Сцена тоже опустела: главного по зрелищам вынесли на носилках подоспевшие санитары «скорой». Хлопнула боковая неприметная дверца, через которую, как показалось крыске, как-то протиснулась успевшая переодеться тетя Маша с крас-

ной метелкой и совочком на длинной ручке с закрывающимся и объемным бункером для сбора мусора.

– Извините, – громко спросил ее через длинный ряд зеленых потертых кресел Блинов, – вы не знаете, кто там за кулисами кричал так... необычно?

Уборщица замедленно оглядела сидевших, болезненно сморщилась и, повернувшись, исчезла там, откуда внезапно и вывернулась.

– Чудеса какие-то, – пробурчал Волобуев. – Пора домой, на покой, к синенькому окошку в мир иной.

– До связи, – бросила, обгоняя на повороте, женщина из спецслужбы.

Волобуев-Блинов вздохнул, не торопясь, зашаркал к раздевалке.

Оделся, вызвал такси, постоял на представительном, в железных кружевах крыльце. Прошел к ротонде, устроенной на краю площади, прямо над обрывом меловой горы, на которой стоял театр, задумчиво посматривая на расстилающийся внизу город, черное небо с крупными белыми звездами, среди которых солидно передвигались желтые и красные огоньки невидимых самолетов. В лицо толкались холодные и влажные порывы ветра, похожие на щенячий нос, от которых хотелось плакать и незамедлительно закончить жизнь самоубийством.

По своему долгому правоохранительному опыту полковник знал, что каждое более или менее резонансное убийство какого-либо известного человека всегда соответствовало бессознательному общественному настроению. Это для конкретного человека, семьи или узкой группы людей преступление было трагедией. Для массы же служило неким красным флажком, обозначавшим новые границы возможного действия или бездействия. Его задача, – так он себе постановлял в начале каждого расследования, – найти преступника, посадить за решетку и тем самым показать обществу, что желание расширить плоскость поступков за счет уничтожения неких значимых субъектов ошибочно. Правда, возникал, и не раз, парадокс, когда раздвижения своих возможностей через нивелирование мешающих этому хотело коллективное сознание непосредственно власть имущих, в этом случае полковник примерялся сам с собою через понимание нормы, а не закона. Юридическая установка – теоретическая суть возможных действий разносторонне направленных сил, которая может меняться со временем или режимом. Норма – незыблема и присуща всякому сознательно разумному, ограничивающему себя самостоятельно ради свободы всех. Но, конечно, Волобуев-Блинов всякий раз путался в этих рефлексиях только при начале сложного дознания, но потом постепенно втягивался непосредственно в действие и переставал размышлять на абстрактные темы, а в конце особо не заморачивался, кто прав, а кто виноват, лишь бы факты однозначно свидетельствовали о виновности именно того, кого он поймал.

Сзади загудела машина, он обернулся – подъехало такси, подсвечивая опустевшую площадь ближним ксеноновым светом и сияя желтым нимбом с шахматными клеточками.

Блинов удобно устроился на заднем сиденье, хотя водитель предупредительно открыл переднюю дверь. Он не любил сидеть рядом с руководителями, пусть и обычной железки, любая мало-мальски серьезная авария, несмотря на ремни безопасности, в первую очередь убивала или травмировала именно пассажира на переднем кресле, поскольку в силу инстинкта водитель старался отвести опасность от себя любимого.

«Тойота» двинулась, таксист спросил адрес, Волобуев подробно объяснил, и они замолчали, посматривая через закрытые стекла на скупое освещенные тротуары и редких прохожих. На лобовом стекле перемигивались огни домов и бирки яркой бело-желто-красной рекламы, которые совпадали с редкими крупными частицами дождя, не стекавшими почему-то, как обычно, вниз, а собиравшими в себя более мелкие точки влаги. Округлившись до размера небольшого зеркала, капли, дробя и искажая, ретранслировали реальность, под напором движения удлиняясь и становясь похожими на нос водителя, а потом укорачиваясь, превращаясь почти в кубик, начиная быть похожими на мимо проплывающие здания.

Мягко тормознули на перекрестке, пережидая красный свет, водитель смачно зевнул, не прикрывая рот, полковник поморщился, водитель быстро глянул на него через зеркало:

– Извините.

– Ничего, ничего, – досадуя, что не сдержался, как можно простонароднее ответил Блинов.

– Просто уже долго на работе, – продолжал оправдываться таксист.

– Я понимаю, – закивал Волобуев, – сам частенько зависаю.

– А вы слышали, – обрадовался начавшемуся разговору водитель, – сына-то Иванова убили.

– Да, – односложно согласился Блинов.

Зажегся зеленый, машина тронулась, но мужчина за рулем продолжал болтать, стараясь громким разговором разогнать усталость и дремоту:

– А не знаете, за что?

– Ну, – подумал вслух полковник, – может быть, деньги, женщины...

– Я считаю – власть, – уверенно воскликнул таксист, – дети таких родителей ничего слаще власти не знают, перед глазами же постоянно мелькает, как за папочкой ухаживают и подобострастничают.

Дождик заморосил меленькой пеленой, сбиваемый движением «тойоты» и, наверное, ветром, в сторону, вниз, к узкой и глубокой реке. Волобуев-Блинов огорчился: утром хотел сам поехать на место преступления и захватить кинолога с собакой, а теперь кому-то повезло, затрутся запахи, смоются движения, расплывутся вмятины...

– Что-что? – неожиданно резко переспросил он таксиста, уловив краем уха нечто странное в его монологе.

– Да вот же, – несколько удивился мужчина, – я вам уже второй раз повторяю: наши-то мужики треплются, что партизаны в районе объявились, и именно они и прихлопнули сынка-то.

– Какие партизаны? – ментовским голосом переспросил полковник. – Почему партизаны?

Водитель даже обернулся, почуяв специальные органы, поскущел, но все-таки ответил:

– Так не первого начальника убивают, вон в Раю полицейского забили до смерти, до сих пор никого не нашли, а в Николаевске машину гибэдэдэшников сожгли, по слухам, вроде как с патрульными. – И совсем вяло добавил: – А в Подпольном председателю сельской территории через окно голову разнесли из обреза. Ну, вот теперь и до города добрались.

– Вы же говорили, – переменял и смягчил тон полковник, – что из-за власти убили.

– Одно другому не мешает, – вновь несколько расслабился таксист, – если есть партизаны, значит, за ними какая-то власть тоже стоит.

– Народная, – не удержался Блинов.

– А что вы думаете? – не то согласился, не то продолжал настаивать на своем водитель. – Просто так не убивают.

Машина остановилась в указанном микрорайоне возле дома, где жил полковник. Пятиэтажки были старые, давно пора поменять квартиру, купить новую или даже небольшой коттедж, но Волобуев-Блинов привык к вещам из прошлого времени, которые напоминали ему о молодости, резвости мыслей и поступков, и постоянно откладывал покупку.

Он расплатился с таксистом, поблагодарил и вышел. Дождя не чувствовалось, под белевым неживым светом уличного фонаря скрипела старая коричневая груша, теряя последние сморщенные и сгнившие плоды и листья, на люке канализационного колодца валялась пустая желтая подложка из-под свежемороженой курицы.

Дверь в подъезд, как всегда, была раскрыта. Блинов тяжело поднялся на площадку третьего этажа. На лестнице сидела компания из молодых ребят и девчат. Он постоял, посмотрел,

как они небрежно, обливаясь, пьют пиво из горлышка, торопливо, ни о чем переговариваясь, возбужденно перебивая друг друга.

– Итак, – негромко произнес Волобуев, уставившись в глаза того из парней, которого определил главным, – десять минут на сборы, потом вызываю наряд.

Разговор стих, одна из девчонок, живших этажом выше, наклонилась к жожаку и что-то прошептала ему на ухо. Он кивнул, встал – и с негромкими, вызывающе нецензурными ругательствами веселое общество побежало вниз, к выходу. Через минуту оглушительно грохнула гранатометным выстрелом железная входная дверь.

Глава 2

1.

В десять часов утра к «Вегасу» подъехали два обшарпанных «пазика», забитых полицейскими, и две легковушки. Шлагбаум был немедленно поднят, как только охранники увидели сворачивающие на территорию развлекательного комплекса автобусы.

Техника проследовала к краю автостоянки, туда, где лежало тело младшего Иванова. Волобуев-Блинов грузно выбрался из служебной «волги», следом выскочил командир омонцев и кинолог с рыжим лабрадором Джеком, на грубом ошейнике которого висело несколько бисерных косичек, из другой машины вышли трое криминалистов. Из заржавленных, еле открывающихся дверок «пазика», недовольно бурча, выбирались и, по команде майора, группировались курсанты юридического института, из такого же соседнего угловатого механизма бодро выпрыгивали дюжие омонцы и самостоятельно строились в две шеренги.

Полковник подозвал патрульных, бывших на месте преступления первыми, кивнул кинологу:

– Александр Иванович, они в вашем распоряжении, знают, где лежало тело, действуйте по вашему усмотрению. – Добавил уже в спину уходящим: – Я на вас надеюсь, имейте в виду, что-то нашедшие получат внеочередное звание.

Блинов чувствовал себя неважно: телефонный звонок Петрова разбудил в пять утра, через полчаса в кабинете начальника УВД прошло короткое совещание. Было решено сплошным прочесать прилегающий к парковке лесок на предмет нахождения каких—либо вещей, связанных с убийством. Петров позвонил генералу в центр и договорился о курсантах и омонцах, кинолога и собаку взяли лучших из местного состава.

Полицейские выстроились, по мутным форменным ботинкам, влажно шурша, перекатились красные яркие кленовые листья, подгоняемые прижавшимся к земле ветром. Волобуев, заложив руки за спину, прошелся вдоль строя, заставляя умолкнуть смешки и разговорчики, стараясь проникновенно втолковать неопытным учащимся и бывалым бойцам важность момента:

– Обращайте внимание на все, что покажется вам непонятным или подозрительным. Лучше не трогать – вызывайте по рации экспертов. Учтите, вчера здесь произошло убийство, нам нужно хоть что-то, что мог обронить, оставить, потерять преступник. – Передохнул и добавил: – Тот, кто найдет что-либо, относящееся к преступлению, получит премию в десять тысяч рублей и дополнительный двухнедельный оплачиваемый отпуск.

Полицейские заулыбались, подтянулись. Полковник кивнул майору – действуйте. Офицер приказал выстроиться в одну линию на краю автостоянки, через двух курсантов командир омонцев выставил своего бойца, еще раз предупредил о бдительности и махнул рукой – вперед!

Цепочка служивых нестройно, заглядывая под ноги, почти сразу вооружившись палками, которыми раскидывали кучки листьев и веток, двинулась в лес. Волобуев пошел следом, стараясь держать в поле зрения кинолога, который перемещался логически непонятными кругами за собакой, неторопливо перебегавшей трусцой от дерева к дереву, то возвращаясь назад, то резко ускоряясь по прямой.

Блинов вспомнил, как после утреннего совещания он остался в кабинете начальника и поинтересовался у Петрова убийствами, о которых ему рассказал таксист.

Главный полковник побелел от злости, нажал кнопку громкой связи и ужасным голосом приказал секретарю никого в кабинет не пускать. Дергающимися руками открыл сейф, достал бутылку виски с красной этикеткой – налил в широкий, толстого стекла стакан (ну, просто ковбой из Техаса, внутренне ухмыльнулся Блинов) на три пальца, громко сглотнул и залпом выпил.

Отошел к окну, шипяще выматерился и, не поворачиваясь, скупо ответил на поставленные вопросы.

Участковый полицейский в Раю крышевал лабораторию по выработке наркотиков, размещавшуюся на одном из сельских подворий. Раевцы направили в администрацию и УВД множество жалоб и на работу лаборатории, и на капитана, на которые не получили ответа. Более того, несколько жалобщиков были избиты участковым и неизвестными до полусмерти. Наркотики заполонили дискотеку, на школьных вечерах продавались в туалете, наконец, от передоза умерла старшеклассница. Люди не выдержали и устроили полицейскому темную, поймав подвыпившим после дежурства. Дом с лабораторией сгорел в ту же ночь. Дело ведет управление собственной безопасности.

Машины с гибэдэдэшниками в Николаевске действительно сожгли вместе с пьяными патрульными. Проверка показала, что полицейские регулярно брали взятки с водителей именно этого села по причине неприязненных отношений, сложившихся между одним из сотрудников ДПС и жителем населенного пункта. Подозреваемый задержан, от явки с повинной отказался.

Председатель сельской территории в Подпольном застрелен – мотива нет, никто ничего не видел и не слышал, на месте преступления, кроме каких-то непонятно больших кошачьих следов, ничего не обнаружено. По слухам, покойный торговал землей с заброшенных домовладений и участков, которую переоформлял на себя.

Волобуев-Блинов вежливо поделился с Петровым версией таксиста. Начальник УВД долго и тяжело молчал. Вернулся в кожаное кресло, облокотился подбородком в сцепленные замком ладони, упершись взглядом в массивную, полированную рукавами мундиров предшественников столешницу. Выпрямился, закурил.

– Это не наш вопрос, – наконец глухо сказал, по-прежнему не глядя на следователя.

– А я могу посмотреть дела? – поинтересовался Волобуев.

– На данный момент – нет, – пробурчал Петров.

– А почему? – легко удивился Блинов.

– Я подумаю, – невпопад сказал главный полковник и поторопился, чтобы Волобуев-Блинов не спросил еще что-нибудь: – Иди работай. – Почти прокричал в спину вставшему и повернувшись следователю: – Результат! Мне нужен хоть какой-то результат!

2.

Ветер усилился, заставляя вздыхать атмосферу, приподнялся от земли и зашевелил потемневшими от шедшего всю ночь редкого дождика ветками, сбивая оставшиеся одиночные листья наземь. Было пасмурно, даже усыпанные яркими гроздьями рябины не оживляли ландшафт, тучи низко висели над рощицей, а городские здания издали казались несанкционированной властями кучей мусора. Серые большие птицы металась над деревьями, на верхушках которых громоздились большие кочаны гнезд, всполошенные появлением людей, сбиваясь в одно лохматое облако, беспорядочно кружащееся между небом и землей.

– Плохо видно, – заорал Сидоров, возбужденно размахивая рукой с зажатым в ней биноклем. – Я же просил, – недовольно повернулся он к заместителю по безопасности, – чтобы бинокль был сильным и качественным, а ты мне что приволок?

– Вот, – поторопился мужчина в сером костюме, с серым, слегка засаленным галстуком, затянутым под морщинистую шею, – я еще несколько принес на ваше усмотрение.

Он протянул хозяину «Вегаса» три кожаные коричневые и блестящие от нетронутости коробки.

Сидоров вздернул густую, а-ля православную бороду, гулко почесал худой выпирающий кадык, буркнул:

– Эту.

Взял среднюю, торопливо распечатал и вытащил большой бинокль с мощными окулярами, вклеил предохранительными резинками в глазницы так, что остались видны только лохматые брови.

Высокая девушка модельно-кукольной внешности, в кургузом блестяще-желтом пиджачке с супермини-юбкой, скушаяще вздохнула и подошла поближе к панорамному окну кабинета, устроенного в мансарде развлекательного комплекса, взмахнула длинными рукавами белой кофточки, далеко выглядывающей за кружавчатые манжеты и, неожиданно для самой себя, протерла этим самым рукавом запотевшее от перепада температуры, – в помещении было жарко от пылающих в камине сучковатых дубовых поленьев, – толстое стекло.

Даже без усиления были видны изломанные шеренги полицейских, неспешно двигавшихся сквозь рошу, рыжая собака, озабоченно перебегавшая от дерева к яме, от кучи хвороста к горке листьев, грузный человек, вперевадку шедший по кривой позади всех.

– Что они делают? – спросил хозяин, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Ищут вещественные доказательства, – поторопился помощник по безопасности.

– А при первом осмотре не нашли? – продолжил, по-прежнему не отрывая глаз от окуляров, Сидоров.

– Ну, – пожал серыми костюмными плечами мужчина, – что-то не устраивает следователя, а может, начальство приказало еще раз пройти.

– А скорее всего, – вступила в разговор помощница по связям с общественностью, – по голове настучали за убийство сыночка мэра – вот они и показывают рвение.

– Ага, – догадался хозяин «Вегаса», – поэтому их так много, чтобы отчитаться наверх об успешно проделанной работе. Как же, как же, проходили эдакое в горьком комсомола. – Ему надоело упирать жесткие резинки в глаза, он оторвался от бинокля. – На, – сунул его девушке, – бди. – Повернулся к серокостюмнику: – Почему на нашей территории нанесен ущерб уважаемому человеку?

– Убийство – вещь непредсказуемая, – пожал плечами помощник по безопасности, – даже если оно планируется, все равно что погода – может, рванет, а может, и пронесет.

– Ты мне зубы не заговаривай, – поморщился Сидоров, – я тебе деньги плачу конкретные, а не вероятные.

– Наша служба работает внутри здания, – помрачнел помощник. – Убийство на парковке, ответственность сторонней частной охранной организации.

– И кто так придумал? – скривился бородач.

– Вы, извините. – Серокостюмник взял с приставного столика черную папку и аккуратно полупротянул хозяину «Вегаса». – Для оптимизации расходов.

Сидоров недовольно оттолкнул папку, задрал бороду и гулко почесал кадык.

– Сейчас будем думать, – неожиданно захохотал он во все горло.

Девушка вздрогнула, мужчина в сером с пятьюдесятью оттенками поежился.

– Ты, – ткнул бородач пальцем с длинным, как у женщины, и наманикюренным ногтем в помощника по безопасности, – выяснишь, кто в управлении главный по следствию, и устроишь за ним наружное наблюдение. А при стечении хороших обстоятельств поставишь камеры и микрофоны везде, где сможешь.

– А если попадусь? – Серокостюмнику указание не понравилось.

– Приказ не исполнишь – прибую, – тихо и улыбочиво ответил Сидоров. – Попадешься – ну, так и быть, выслушаю, при каких обстоятельствах это случилось, если при тупых – тоже прикончу.

– А ты, – бородач оглядел девушку с ног до головы и облизнулся, – в самую тиражную газету дашь объявление. Не от фирмы, не от себя, а что-нибудь придумай, вон, – Сидоров кивнул головой в сторону мужчины, – с ним посоветуйся. От какого-нибудь бомжа, и покрупнее, чтобы слова-то были пожирнее, в рамочке красивой.

– И что за текст? – осторожно поинтересовалась помощница по связям.

– В Интернете принимаются ставки, – Сидоров ласково и маслянисто улыбался, – найдут менты убийцу сына или не найдут.

– А что, – у девушки в желудке забурчало, – в Интернете действительно есть такой сайт?

– Ты что тупишь?! – заорал хозяин «Вегаса» – Ты что тупишь? Возьми лептоп – глянь! Народ второй день с ума сходит! И не забудь в объявлении адрес сайта указать, а то шкуру сдеру вместе с юбкой!

Помощница схватилась за живот – бурчало и хрюкало очень звучно, сквозь тонкую белую ткань кофточки по коже плоского живота видимо прошла волна; мужчины, одновременно поморщившись, дружно отвернулись.

Ветер ударился в окно, мансарда чуть-чуть дрогнула, к стеклу прилип маленький серенький листочек, от похлосты и дождей потерявший принадлежность к определенному дереву, в дырочках и паутинке оголившихся жил.

3.

– Товарищ полковник!

От кряжистого вяза с раздвоенным стволом, похожим на гигантскую рогатку, который уже миновала цепь полицейских, Волобуеву-Блинову судорожно махал рукой кинолог. Следователь заспешил, спотыкаясь в проваливающейся под ногами толстой прослойке прелой листвы, как только мог на призыв, на ходу достав рацию и приказав экспертам двигаться за ним. У дерева сидел Джек и поскуливал, вытянув умную красивую морду вверх, ветер шевелил посверкивающие фенечки на ошейнике.

– Что нашли? – еще не дойдя до осторожно обходящего ствол полицейского, закричал Блинов.

Собака сорвалась с места – отбежала на пару метров, села и заскулила. Вновь вскочила – вернулась к вязу и задрала лобастую голову к развилке ствола.

– Что-то ему не нравится, – раздумчиво сказал кинолог, поглядывая то на Джека, то на дерево. – Надо забраться повыше и посмотреть, может, в расщелине что-то спрятано.

Подтянулись эксперты, переглянулись, который постарше посмотрел на Волобуева.

– Да, да, – запыхавшись, пробурчал полковник, – оглядитесь вокруг, а потом лезьте.

Он щелкнул рацией, вызвал водителя автобуса и приказал принести, если есть, стремянку или лестницу, а если нет – сходить в «Вегас» и попросить там.

Криминалисты осторожно, наклоняясь, а изредка и присаживаясь на корточки, обошли дерево. Собака, кинолог и полковник внимательно наблюдали за их действиями, одинаково склонив голову на правое плечо и чуть-чуть приоткрыв рот. От развлекательного комплекса подошли двое: один, в рабочей спецодежде, принес раскладную лестницу, а второй, в кожаной куртке нараспашку, из-под которой выглядывал серый костюм, просто сопровождал.

Блинов недовольно покосился на него:

– Что тут делают посторонние?

– Вы же просили лестницу, – негромко, подергивая уголком рта, ответил мужчина.

– Конечно, – уставился на него полковник, – спасибо за помощь, но службе безопасности здесь нечего делать.

– Это я принес, и я отвечаю за сохранность частного имущества, – окончательно скривился серокостюмник и рявкнул на одетого в спецодежду:

– Пошел отсюда, бегом!

Рабочий бросил лестницу, быстро развернулся и грузно заторопился назад.

– Вот сейчас верю, – сказал Волобуев, поджимая губы и покачивая головой. – Впечатляет.

Эксперты закончили осматривать подходы к вязу, который постарше посмотрел на полковника и пожал плечами.

– Ладно, – скомандовал Волобуев-Блинов. – Ты, – он ткнул пальцем в сотрудника «Вегаса», – устанавливай и держи лестницу, – а вы, – повернулся к криминалистам, – давайте на дерево.

Полицейские переглянулись, вздохнув, первым полез старший. С грязных форменных ботинок посыпались клочья листвы и кусочки земли, и полковник с ехидной улыбкой посмотрел на серокостюмника, который, морщась, тщетно пытался уклониться от падающего за отвороты распахнутой куртки мусора.

Эксперт остановился на третьей от верха ступеньке, стертые подошвы с надписью «Made in USA» на каблуке елозили по металлической перекладине, повторяя движения туловища, через несколько минут специалист полез в сумку и достал целлофановый пакет.

– Ну, что? – нетерпеливо прокричал снизу полковник. – Нашли что-нибудь?

Стоящий наверху промолчал, поднял свою сумку к лицу, убрал внутрь заполненный бумагой пакет и достал коробочку с порошком для снятия отпечатков пальцев. Поднялся на ступеньку выше.

Стоявшие внизу, не контролируя себя, громко дышали, напряженно всматривались в расщелину и копошащегося там человека. Джек тихонько подскуливал.

– Фотоаппарат, – скомандовал верхний, и стоявший спокойно эксперт засуетился, достал из футляра фотоаппарат и полез тоже на лестницу.

Стремянка качалась, серокостюмник с трудом удерживал ее вертикально, и, по кивку полковника, с другой стороны к алюминиевым направляющим подскочил кинолог. Лестница замерла, младший эксперт добрался до начальства, поднявшегося еще выше, и передал фотоаппарат.

Послышалась серия резких щелчков цифрового прибора, после чего аппарат был возвращен, и криминалисты поочередно стали спускаться вниз.

Спрыгнув с последней ступеньки, старший приказал отодвинуть лестницу, а второму криминалисту сфотографировать кругом ствол дерева. Только после этого он повернулся к полковнику.

– Надо организовать охрану, – он ткнул рукой за спину, – мне нужна автовышка с люлькой, чтобы было удобно работать, и видеокамера.

Волобуев скривился и сказал серокостюмнику:

– Вы свободны, – после чего достал мобильный телефон и, позвонив Петрову, передал пожелания экспертов.

На вопрос начальника УВД, есть ли что-либо, заслуживающее внимание, ответил уклончиво, мол, разбираемся. Долго-долго смотрел вслед медленно уходящему мужчине с лестницей и, дождавшись, пока он зайдет в здание, подошел к старшему криминалисту, который, внимательно осматривая ствол, обходил вяз.

Дернул его за рукав:

– Покажи, что нашел.

Полицейский остановился, расстегнул сумку и достал целлофановый пакет. Внутри лежала смятая цветная листовка с фотографией Иосифа Виссарионовича, броской надписью: «Общественная приемная» и адресом. Полковник взял пакет, перевернул, попытался разглядеть.

– Но-но! – предупреждая остановил его криминалист. – Что-нибудь затрете, потом же сами орать будете.

На листовке виднелись буро-черные пятна, в нескольких местах различного диаметра отверстия, левый уголок надорван.

– Я, когда ее подбирал, понюхал, – поморщился эксперт. – Запах от нее странный, очень плохой, такое ощущение, что и сейчас меня от него подташнивает. Явно в него что-то заворачивали, но более конкретно я могу сказать только после стационарных исследований.

– Как ты думаешь, – спросил Блинов, – стоит искать что-то еще или это и есть то самое, за которое нам ордена дадут?

– Рошу надо пройти до конца, – уверенно ответил старший. – На выходе тщательно прочесать, с собакой. Она молодец. – Он повернулся к Джеку и помахал ладонью.

– Давай так, – решил Волобуев, – ты в лабораторию с этой бумажкой – данные сразу же мне на телефон сбросишь. А сюда вышлешь того, кто свободен.

Не слушая возражений, он достал рацию – набрал командира омонцовцев и приказал двоих тут же прислать к нему.

Когда дюжие бойцы прибыли, поставил задачу: взять криминалиста – в машину и в лабораторию. Эксперт проводит исследования, а они его охраняют, во время экспертиз никаких звонков и других контактов ни с кем, кроме Волобуева-Блинова. Результаты изысканий изъять и доставить только ему – следователю, и больше никому.

– Все понятно? – строго спросил полковник омонцовцев и эксперта.

– А к чему такие сложности, – удивился криминалист, – почему нельзя сделать в установленном порядке?

– Ха-ха-ха, – гнусно засмеялся Блинов, дружески потрепав полицейского за плечо. – Я вообще не уверен, что ты живым доберешься до лаборатории...

Эксперт побледнел и тоскливо оглянулся, омонцовцы переглянулись.

– Вперед, быстро! – заорал полковник. – Чем быстрее будете, тем здоровее останетесь.

Спецназовцы, взяв криминалиста в коробочку, подтолкнули к парковке, и они, стараясь идти быстро, двинулись к машине.

Волобуев по рации нашел водителя – приказал немедленно заводить мотор и скоренько двигаться в судмедэкспертизу, при этом посматривать по сторонам и быть аккуратным, чтобы не попасть в аварию.

Второй криминалист продолжал обследовать дерево, изредка останавливаясь и делая фотографии, кинолог с Джеком пошел к полицейским, продолжающим прочесывать рошу.

Блинов оглянулся, чтобы проверить, где эксперт с бойцами. Они уже садились в «Волгу», легковушка стронулась и покатила по направлению к городской магистрали. Оттуда навстречу вывернул черный фургон «мерседеса» с тонированными окнами, машины разминулись, каждая по своей полосе продолжила движение: советская – в город, иностранная – к парковке развлекательного комплекса.

– Черт, черт, черт, – выругался следователь, засуетился, руки слегка задрожали, схватил рацию, вновь вызвал командира омонцовцев, очень жестко приказал: – Немедленно разворачивай всех бойцов – и ко мне. Быстро!

Не слушая ответа, поднял глаза на эксперта, закричал:

– Иди сюда! Фотоаппарат...

– Что? – не понял, приближаясь и переспрашивая, уточнил криминалист.

– Дай фотоаппарат, – полковник, не снимая с полицейского прибор, перевернул его и вытащил карту памяти, защелкнул крышечку на место, и судорожно запихал флешку в нагрудный карман куртки. – И молчи. – Волобуев-Блинов показал ему кулак. – Просто молчи, а если прижмут, сваливай все на меня.

– Кто прижмет? – удивился эксперт.

Следователь отвернулся.

Из черного фургона выскочили человек шесть в черном камуфляже, в масках, с автоматами и, пригнувшись, похожие на поджарых мускулистых доберман-пинчеров, побежали в сторону Блинова. За ними вышла женщина и, не торопясь, пошла следом.

Следователь оглянулся.

Видимо, осознав, что происходит нечто непонятное, омоновцы тоже ускорились.

Серые и черные камуфляжники встретились на линии следователь – дерево, криминалист потихонечку отошел за цепь омоновцев.

– Что происходит? – спросил начальник серых.

– Сейчас твоя задача, – не оборачиваясь, прокричал Волобуев, – предотвратить мое похищение, которое пытаются совершить вот эти неизвестные нам граждане.

Командир махнул рукой, и бойцы, положив ладони на кобуры с пистолетами, стали охватывать место событий полукольцом. Их было втрое больше пришельцев.

– Ну-ну, спокойнее, – хрипло и отрывисто засмеялась, как залаяла, подошедшая женщина, на ходу достав из кожаного длинного плаща удостоверение и показывая его уже издали. – Все в порядке, Федеральная служба безопасности...

– Оля? – делано удивился полковник. – Какими судьбами?

– Вы что-то нашли? – вопросом на вопрос ответила крыска.

– А парней зачем притащила? – ощерился следователь.

– Так мы же не договорили в театре. – Женщина не стала подходить близко.

– Кто же тебе позвонил? – Волобуев был бледен от злости.

– Город маленький, – эфэсбэшница пожала плечами, – все друг друга знают.

Она обратилась к начальнику серых, который настороженно слушал разговор, поджавшись, как овчарка перед прыжком:

– Я вам советую продолжить начатую работу и оставить нас.

Омоновец чуть глянул на полковника.

– Вы исполняете только мои приказы, – отчеканил Блинов. – Меня хотят похитить, ваша задача – не допустить этого.

– Ну, так что? – спросила Оля у командира. – Вы еще не дошли до конца рощи, вон, – она махнула вдаль, – собачка вас там заждалась.

Полицейский отрицательно покачал головой.

– А жаль, – громко вздохнула женщина и вернулась глазами к Волобуеву-Блинову.

Полковник с ужасом увидел, как ее зрачки медленно растекаются по яблоку глаза, заливая до дна голубой заледеневшей пустотой, эфэсбэшница перестала мигать, лицо закаменело, губы приоткрылись, обнажив клыки...

– Ка тво доч, – сглатывая окончания слов, боясь не успеть до команды, еле-еле выговорил Волобуев. – Ты хотела поменять ей кресло, новое подарить, более технологичное, чтобы на улицу можно было выезжать.

Женщина моргнула, еще и еще раз, ровные и густо накрашенные ресницы выкатили из уголка век крупную слезу, она закрыла рот и облизала губы. Сделала несколько вдохов – выдохов, угрюмо упрекнула:

– Мы же договорились сотрудничать.

– Обязательно, – осторожно пожал пухлыми плечами следователь. – На обоюдовыгодных условиях. Я готов ответить на все твои вопросы в обмен на твои ответы после моих вопросов.

– А кто будет первый задавать? – хрипло хохотнула Оля.

– Жребий бросим, – и не улыбнулся полковник. – Его монеткой. – Он кивнул на полицейского.

Крыска поджала губы, покачнулась с носка на каблук, оценила диспозицию, глянула на своих сопровождающих, один из них подвигал ладонью параллельно земле.

– Ну, хорошо, – наконец решилась она. – Позвони мне, как только закончишь поиски, все-таки надо поговорить спокойно, с перспективой.

Эфэсбэшница кивнула головой, и черные развернулись, дружно потопали к стоянке. Оля сморщила носик:

– Спасибо.

– За что? – чувствуя, как колотится в груди сердце, вяло спросил следователь.

– Катя о тебе помнит, вчера все допытывалась, когда снова придешь.

– Давай сегодня вечером, – часто дыша, предложил Волобуев, – заодно поговорим.

– Хорошо, – согласилась женщина. – До встречи.

Она чуть приподняла открытую ладонь с длинными тонкими пальцами с матово-бирюзовым лаком на ухоженных ногтях, повернулась и не спеша зашагала к «мерседесу».

– Что это было? – громко и непонятно к кому обращаясь, спросил командир омовцев.

Блинов тяжело сел на мокрую и грязную кучу разноцветных листьев.

– Везуха, – тихо сказал и расстегнул форменную куртку, – везуха...

Следователь бессмысленно и безразлично смотрел прямо перед собой: из-под багряного сломанного листочка выбрался крупный рыжий муравей, встал на задние лапки, пошевелил длинными, гнущимися под собственной тяжестью усиками, вернулся назад и вытащил какую-то козявочку; Волобуев прищурился, заметил обломок крылышка и красненькую сморщенную головку; закинув на горб поклажу, муравей бодро побегал от одного грязного и стоптанного вовнутрь ботинка к другому, стараясь держать равновесие, огибая большие корявые сучки, цепко удерживая добычу; ветерок, спустившийся с верхушек деревьев, подталкивал его в усы, шевелил перепончатым обломком крыла; влажные порывы воздуха вжимались в раструбы штанин расплывшегося на холодной подстилке человека, клонившегося от перепада внутреннего давления в мутный больничий сон.

Омовец вежливо кашлянул. Блинов поднял звенящую голову, протянул руку – ему помогли встать. Пошатываясь и переминаясь с ноги на ногу, он скорее попросил, чем приказал:

– Как стемнеет – закругляйтесь и на базу. Вряд ли что-то еще интересное сегодня будет.

– Что с прочесыванием? – уточнил командир.

– Дойдете до конца, – махнул полковник. – Если обнаружите что-либо, с вами остаются эксперты, передадите им. Подвезете их до управления. А я домой – жутко устал.

Он побрел, пошатываясь, к парковке, омовец неожиданно для самого себя покрутил ему вслед пальцем у виска, спохватился, строго посмотрел на подчиненных. Полицейские сделали вид, что ничего не заметили, по команде развернулись и потопали довыполнять задание.

Волобуев-Блинов долго усаживался в машину, сначала хотел сесть назад, но недовольный и замерзший водитель сердито пробурчал, что заднюю дверь заклинило, и следователь дернул ручку передней.

Сиденье было слишком придвинуто к панели, крупный полковник не помещался, водитель, придушенно ругаясь, возился у пола с рычагом отвода пассажирского места. Наконец кресло отъехало на нужное расстояние, следователь почти упал в продавленное сиденье и потянулся за ремнем безопасности.

– Да не надо, не надо, – плачущим голосом воскликнул пожилой водитель, – кто нас с ментовскими номерами останавливать-то станет?

«Волга» взрыкнула, выбросив из выхлопной трубы сизые ошметки и облако пара, и подернувшись, покатила к трассе.

Потемнело, опять пошел меленький нудный дождик, не разбрызгиваясь, а округляясь на стеклах водяными шариками. Включилось раздражающее неяркое уличное освещение. С обеих сторон поднимались красные многоэтажки – уродливые карликовые пародии на американские небоскребы, на трубчатой пирамиде одной из них пробили часы.

На автобусной остановке, – грубо красной, с крышей, похожей на крышку дешевого черного гроба, с желтой, аршинными буквами надписью «Поздравляем любимый город с праздником!» на замызанном стекле павильона, за которым виднелись многочисленные разноразмерные бутылки с пивом и энергетиками, – стояли мрачные люди: нахохлившись, в одинаково неярких куртках и плащах, беспрерывно озирающиеся и всматривающиеся в сгущающуюся тьму. Они по привычке ждали маршрутку или «левый» затюханный «пазик», не подозревая, что рейсы без объяснений и предупреждений отменили, а маршрут запретили, обозначив иной, по другой дороге, сдвинув время и места посадки и высадки пассажиров.

Слева выскочила белесая «газель» без номеров, с установленным на капоте ярко-блестящим массивным кенгурятником и ударила легковушку в бок по центру. «Волга» опрокинулась, фургон по инерции протащил ее за обочину, – скрежеща и раздирая алюминий по асфальту, снес бордюр и сбив хромую и бесхвостую дворняжку, – и замкнул о фонарный столб. Свет потух, бродяжка завизжала от куска лобового стекла, воткнувшегося ей в тощий голый живот.

...Ах, мой милый арлекин, арлекин, арлекин, милый, милый арлекин, все прошло, прошло, прошло, ах, зачем, мой арлекин, милый, милый арлекин, все прошло, прошло, прошло, все так скоро кончилось, ах, мой милый, нежный арлекин...

Полковнику было ладно и тепло, он лежал, вытянувшись на мягкой и одновременно твердой плоскости, в темноте порхали флюоресцирующие бабочки и прочая мелкая светящаяся тварь, из ниоткуда в самую серединку струилась голубая, похожая на цвет глаз крыски жидкость, и пахло восхитительными мамиными беляшами, горячими и маслянистыми.

Ветер аккуратно снял дымную и пахучую, коричневую пенку с дорожно-транспортного происшествия, как снимает гурман серебряной ложечкой самый-самый смак с домашнего латте, в котором все ингредиенты употреблены с перебором, и забросил это пенное облачко в глубь жилых микрорайонов города.

4.

Оля, открывая пластмассовым ключом металлическую дверь подъезда, поморщилась: приторно-сладко пахло пережженным зерном – из детства, с летних каникул у бабушки: ее покосившийся от времени деревянный дом стоял на краю маленького села, а через неширокое, заросшее полынью поле начинался колхозный ток с мрачной коробкой крематория-гранулятора, в котором день и ночь перерабатывали крошечные капли солнца в коричневые, как будто бы прокрученные в мясорубке, архинужные народному хозяйству комбинированные корма.

Эфэсбэшница поехала на дребезжащем лифте, что делала крайне редко, угрюмо всматриваясь в расплывающееся в золотистом дюрале обшивки лицо, повторяя сначала про себя, а потом вслух, громче и громче: «Одна, одна, одна, одна, одна...» Устройство неожиданно остановилось, прервав крыску на полуслове, тяжело разжало изрисованные обнимающимися эмо двойные створки. Она тяжело перешагнула порожек, с трудом протопала по просторному коридору (замерзшие ноги не гнулись в задубевших сапожках), оставляя на полу грязные рифленые отпечатки, среди рубцов застряли раздавленные ягоды рябины, мазавшие кафель чернокрасной мякотью, и запнулась о продырявленный пластиковый коврик у знакомых, черных, в белую крапинку дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.